

неизменном виде у соседей и родственников мери - у эрзян и у мокшан и означающее "лист".

А вот в названиях Лопасня и Лопатино вторая часть изменена неузнаваемо. Доктор географических наук Э. М. Мурзаев (Очерки топонимики. Издательство "Мысль", Москва, 1974 г.) замечает, что "название ОКСКОЙ реки Цна (в древности Тьсина) произведено от балтийских гидронимов "тусиан" ("тихий") и "тьсьнь" ("узкий"). Добавим, что это относится не только к названию тамбовско-рязанской реки Циф, но и к Цне.

В названиях Лопасня и Пресня форманта "сня" - это та же "Цна", как и в названиях Лопатино окончание "тино" не что иное как русифицированный вариант древних слов "тусиан" и "тьсьнь". и здесь можно полностью согласиться с Э. М. Мурзаевым. Смущает же здесь вот что.

Как видим, Э. М. Мурзаев древние слова "тусиан" и "тьсьнь" назвал балтизмами, то

есть как бы привнесенными в наш край из Прибалтики. И вот здесь уважаемый доктор географических наук Э. М. Мурзаев не прав. И вот почему.

Край наш подмосковный открывали и обживали два народа - меря и голядь. Меря относилась к финноязычной группе народов вместе с эрзянами и мокшанами. А голядь - это что за народ?

БСЭ упоминает вместе с мерей и мурому. А Г. Ф. Гарин, В. В. Шилов, С. С. Савостин (Серпухов. Издательство "Московский рабочий". Москва, 1989) уточняют: "Славяне пришли па берега Оки с юго-запада в VIII- IX веках. Прежде здесь жили финно-угорские и литовские племена (летописи называют их голядь). Еще некоторое время эти племена продолжали занимать территорию Поочья, а затем смешались с ними". Голядь - это и есть мурома и мещера, пришедшие в Подмоскowie вместе с мерей (в то время, около семи тысяч лет назад, край наш, разумеется, назывался иначе).

{Выходит, так называемые "балтизмы" - это исконный, коренной язык туземного населения голяди, часть которого позже ушла на северо-запад, сформировав литовские и латышские сообщества. Вот и весь секрет "балтизмов", которых в Подмоскovie неисчислимоe множество.

Со временем язык голяди все более ославянивался и русифицировался. И вот как это происходило.

Так, московский князь Иван Данилович Калита в своем завещании в 1328 году писал: "...Андрею: Лопастну, Серпохов" (С. Аристов. Город Серпухов. Издательство "Московский рабочий". Москва, 1947). Не Лопасню, как говорят и пишут сегодня, а через "т": Лопастну. Тогда еще явственно слышался отзвук голяди, вернее, уже в то время лишь "слышали звон".

Вот и название Лопатино - это русифицированный вариант Лопатьсьнь ("Лиственная узкая") и Лопатуснан ("Лиственная тихая"). Во времена голяди имелась в виду не столько даже река, сколько речная долина.

Добраться до нашего Лопатина когда-то можно было водным путем, для чего нужно было свернуть с Москвы-реки в Пахру и плыть по ней верст тридцать, а там свернуть на Гвоздню (Гвоздянку). Версты четыре вверх по Гвоздне - и вот оно, Лопатино, по правую руку на высоком берегу.

Ныне Гвоздня не судоходна, и добираться до Лопатина проще всего автобусом от железнодорожной платформы Бутово. Версты четыре дорога идет лиственным лесом с преобладанием березы и дуба, но перед самым Лопатином поле.

Правда, стоит Лопатино между Ореховым и Дубовым оврагами, и это обнадеживает, хотя самого лиственного леса не видеть.

Сомнения рассеивает коренной житель Лопатина Махров Михаил Иванович.

- Как же, - говорит он, - раньше наше Лопатино стояло сплошь в лесу. А в двадцать

восьмом году создали колхоз "Лучший путь", пахотной земли колхозу показалось мало, вот и решили сводить Гусевку, любимую нашу березовую рощу, в которой было пропасть грибов. Можно сказать, кормились грибами да ягодами с той Гусевки.

Местные жители отказались брать в руки топоры и пилы - руки не поднимались уничтожать деревенскую кормилицу и защитницу. Так начальство на вербовало пильщиков в Москве, и те в два года порушили нашу Гусевку...

Итак, одно условие, а именно преобладание лиственных пород деревьев окрест Лопатина налицо (вспомним еще про Ореховый и Дубовый овраги). А второе условие - река с узкой долиной - вот же она, Гвоздня, под окнами.

Выходит, догадка наша верна: топоним Лопатино - это русифицированный вариант древнего названия Лопатъсьнь, Лопатьсно, Лопатино, образованного с языков мери и голяди, перво жителей и первооткрывателей края, чему, впрочем, имеются и другие, косвенные доказательства.

Так, недалеко от Лопатина расположено на реке Гвоздне Бутово; в Воскресенском Лопатине один из деревенских концов, обращенный в сторону речки Молчанки, называется Бутырки, сохранился даже Бутырский проезд.

Названия Бутово и Бутырки образованы от угорского слова "бут" ("куст"). Семь тысяч лет назад меря и голядь, а две с половиной тысячи лет назад угры в том и в другом Лопатине зафиксировали факт преобладания лиственного ландшафта, ведь "листья" - это те же "кусты", которые остаются на своих местах и поныне.

А второе косвенное свидетельство - это почвы. От нашего Лопатина на юг с полсотни верст до города Серпухова, до Оки, сплошняком стоят перемежаемые болотами

лиственные леса. Именно там течет и речка Лопасня ("Лиственная тихая").

И еще из тьмы веков дошли до нас слова "лопух" и "лопата", образованные от мерьского же слова "лопа". Рассмотрим их.

"Лопух" состоит из двух частей - "лопа" и "ух". Смысл слова "лопа" мы теперь знаем - это "лист". А "ух" - это древний возглас удивления. Мы и сегодня восклицаем: ух ты! Или: ух ты какой! Увидев впервые "лист" необычно большого размера, человек из племени меря воскликнул: "Лопа ух!". В смысле: вот это лист!

Возглас удивленного мерянина докатился до наших дней.

Ну а слово лопата - это "рабочий лист", то есть "орудие труда", похожее на "лист" или "лист для работы".

Н. ЛЕНКОВ.